

Ирина Мельникова

НЕБО
НА ДВОИХ

Москва

❧ *Любовь, интрига, тайна* ❧

Читайте романы Ирины Мельниковой – прекрасные истории о вере, надежде и любви:

Любовно-исторические:

Антик с гвоздикой

Грех во спасение

Александра – наказание Господне

Невеста по наследству

Фамильный оберег. Закат цвета фламинго

Фамильный оберег. Отражение звезды

Фамильный оберег. Камень любви

Любовно-криминальные:

Дрянь такая!

Ржавый Рыцарь и Пистолетов

Дикая Лиза

Нянька для олигарха

Мой ласковый и нежный мент

Колечко с бирюзой

Неоконченный романс

Роман с Джульеттой

Горячий ключ

Формула одиночества

Стихийное бедствие

От ненависти до любви

Небо на двоих

В соавторстве с Георгием Ланским:

Ключи Пандоры

Лик Сатаны

Ярость валькирии

Сериал «Агент сыскной полиции»:

Агент сыскной полиции

Талисман Белой Волчицы

Финита ля комедия

Сибирская амазонка

Бесы Черного городища

Ирина Мельникова

НЕБО
НА ДВОИХ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *А. Зининой*

Мельникова, Ирина Александровна.

М48 Небо на двоих : [роман] / Ирина Мельникова. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-227140-3

Жизнь редактора глянцевого журнала Ольги Богдановой рухнула — любимый муж Юра бросил ее ради смазливой секретарши! Она уже подумывала наложить на себя руки, когда подруга Любава уговорила Олю уехать в горы и там, в медвежьем углу, забыть о прошлом и найти силы жить дальше. Так Ольга попала в совсем другой мир — завораживающей красоты и настоящих мужчин. Владелец турбазы Вадим был с ней холодно-язвительен, но Оля и не планировала заводить новый роман. А вскоре она узнала: ее обвиняют... в убийстве мужа! Надо срочно вернуться домой и разобраться, что там произошло, но как это сделать без денег и документов — все пропало во время горного обвала!..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мельникова И., 2025

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-227140-3

ГЛАВА 1

От меня ушел муж. Бросил ради молоденькой секретарши. Согласитесь, ситуация — банальнее некуда. Совсем как в заурядном чиклите — чтиве современных барышень. Сотни женских романов начинаются с подобного печального события, которое вдребезги разбивает сердце героини. Я никогда не читала женские романы. Мне таких историй хватало на работе. Коллектив журнала, в котором я тружусь, в большинстве своем женский, поэтому хочешь не хочешь, а порой всякого наслушаешься, так что собственная жизнь кажется облаченной в розовую, с перламутровыми блестками рамку.

Вернее, мне это казалось раньше. А иногда я даже злилась, что моя жизнь течет размеренно, без потрясений и скандалов. И временами нарочно провоцировала своего дорогого на ссору, на что он мило улыбался и спрашивал: «Чего злишься? Котлеты подгорели? Так давай в кафе махнем. Посидим, винца выпьем, потанцуем...» Злость моя тут же улетучивалась. Я мигом собиралась, и мы направлялись куда-нибудь подальше от дома.

В общем, поссориться как следует нам не удалось. Целых пятнадцать лет! И все же муж бросил меня. Ушел к девице, которой едва исполни-

лось двадцать. Ушел, как уходят мужья, — неожиданно.

Если быть точной, я сама проворонила тот момент, когда нужно хватать мужей за жабры. Когда они на распутье, в раздумьях, сомнениях. Умный мужик, он, как собака, все понимает, только высказаться вовремя не умеет. И порой налаженный быт, верная жена, с которой можно поговорить о чем угодно и, главное, кому удобно поплакаться на печальные обстоятельства, частенько перевешивают на весах упругие прелести длинноногого создания, чьи мечты горизонты не рвут и дальше модных бутиков не распространяются.

Шеф-редактор в популярном женском журнале — это вам не фунт леденцов в ярких фантиках. Частенько я брала работу на дом, и меня радовало, что Юра, не мешая мне и не отвлекая, валялся вечерами на диване, смотрел спортивные передачи. Иногда он жаловался то на боли в спине, то на тяжесть в желудке, а в последнее время — на одышку... Эти жалобы, несомненно, успокаивают жен. И преступно расслабляют.

А расслабляться, повторяю, ни в коем случае нельзя, если дело касается мужчин, которым уже под пятьдесят и чьи желания выглядеть и чувствовать себя тридцатилетними, естественно, не совпадают с возможностями. Я же расслабилась и пропустила момент, когда муж вдруг заинтересовался своим гардеробом, купил новый одеколон и обильно обливался им каждое утро, точно водой из ведра, как Порфирий Иванов. Затем супруг поменял прическу и стал рассуждать перед зеркалом о цвете галстуков.

Еще Юра стал отключать дома мобильник, чего раньше никогда не делал. И вообще трясся над своим сотовым, как курица над цыпленком — как

бы лиса не утащила или хореk. То и дело вскрикивал, когда терял его из виду: «Где мой телефо-о-он?» А от вопросов: «Зачем он тебе, если ты его отключил?» — немедленно краснел.

Но сначала он начал проводить на работе большую часть времени, словно породнился с сослуживцами и они стали для него дороже самого близкого человека. И ужинать дома прекратил, правда, от завтраков не отказывался. Видно, учел мои наставления, что негоже отправляться на работу с пустым желудком, и плотно насыщался тем, что я готовила, вставая на час раньше, когда Юра еще нежился в постели.

Вечерние лежания на диване, разумеется, тоже закончились. Супруг прибывал домой в лучшем случае ближе к полуночи, торопливо бежал в душ, мылся и ложился в кровать. Причем спал, повернувшись ко мне спиной, на левом боку, хотя я не раз предупреждала, что делать так не следует. Поутру же наше общение заканчивалось одной, произнесенной на бегу фразой: «Я тебе позвоню». Но не звонил. И на работу за мной перестал заезжать. Совместные ужины в кафе тоже как-то сами собой отпали. Но фразу эту почему-то упорно произносил — привычка, что ли?

Я же, как последняя дура, продолжала спокойно созерцать сии перемены. Даже объяснение им придумала: во всем виноват кризис. Мой Юра, управляющий одного очень нехилого банка, ударно финансовым катаклизмам противодействует, отсюда и задержки на работе, интенсивный труд в выходные и даже новый имидж — все-все ради процветания родного предприятия, увеличения его активов и чего-то там еще, в чем я слабо разбиралась.

Так продолжалось, наверное, месяца два. Занятость мужа никак не сказалась на моем настрое-

нии. Я активно трудилась на шеф-редакторской ниве: пахала, окучивала, боролась с сорняками и даже собирала неплохой урожай. Другими словами, отвечала за все, или почти за все: писала статьи, придумывала рекламные акции и от конкурентов отбивалась. Работы было много, о ней я думала постоянно: и перед сном, и по дороге в редакцию, и даже в магазине, куда забегала за продуктами. Тем более рекламодателей поубавилось, расходы заметно возросли, один из дизайнеров неожиданно запил, а второй вот-вот грозился уйти на летнюю сессию...

Словом, забот у меня хватало, и я не собиралась переключать их на чужие плечи, потому что любила эти заботы, а если жаловалась, то исключительно подружке Любаве. И то в ответ на Любавины стоны, что работа ее съедает, личная жизнь не имеет просветов, а шансов что-то изменить — ноль целых и ноль десятых.

Подруге я сочувствовала, но не слишком, потому что знала: Любава на самом деле тоже помещана на работе, а на личной жизни после четвертого по счету замужества временно поставила крест. Очередной муж не вписался в график ее работы тренером по фитнесу и занятиями этнической музыкой. Вернее, не выдержал Любавиных упражнений в горловом пении и шаманских танцев с бубном в руках.

Меня не удивляли странные увлечения подруги. Еще в школе Любава выделялась из массы одноклассников экстравагантными нарядами и прическами, гоняла на стареньком «Харлее», что едва не стоило ей золотой медали. Двадцать лет назад учителя не жаловали броских и нахальных выпускниц, являющихся к тому же натуральными блондинками. Впрочем, сейчас тоже не жалуют.

Об этом я сужу по письмам, которыми забрасывают наш журнал пострадавшие от произвола педагогов девицы. Правда, я на стороне учителей, поэтому... Да потому, что повзрослела. А с Любовью мы выросли и умнели вместе. Она всегда была верной подругой, искренней и честной. Я же обычно выступала в роли жилетки, куда Любава могла время от времени поплакаться, зная, что ее секреты не станут достоянием общественности...

Юра тем временем купил клубную карту в престижный спортивный центр, где богатые мужики старались привести в порядок дряблые мышцы, и даже стал по утрам качать пресс. Карту я нашла на полу прихожей — видно, выпала из кармана мужа.

— С чего вдруг? — поразились я. — Мог бы и меня пригласить!

— Так я тебя приглашал, а ты отмахнулась. — Юра смотрел на меня невинными голубыми глазами. — Даже головы не повернула от компьютера.

Мне хотелось сказать, что приглашают более настойчиво, а не бросают мимоходом фразу, которую после вспомнить невозможно, но промолчала, хотя в первый раз не поверила Юре. Я прекрасно слышала, когда ко мне обращались, в любых условиях — работа к тому приучила. Даже если бы вокруг рвались снаряды, трещали пулеметы и взрывались фугасы, предложение вместе заниматься в спортзале я встретила бы с восторгом.

Но Юра быстро усыпил мои подозрения — поцеловал меня в щеку и смущенно улыбнулся:

— Хочу войти в форму, — похлопал он себя по заметному животу. — Ты ведь не любишь рыхлых мужиков?

Вот тогда Любава и спросила меня осторожно

во время очередных наших обеденных посиделок в кофейне:

— А ты уверена, что такие жертвы — ради тебя?

— Ну, почему же ради меня? — удивилась я. — Ради собственного здоровья. Сейчас модно выглядеть стройным и подтянутым.

— Что ж он раньше к этому не стремился? — допытывалась Любава. — Может, появились веские причины? На твоём месте я бы не дремала. Просмотри его телефон, карманы...

— Ещё чего не хватало! — Меня передернуло от отвращения. — Я Юре доверяю.

— Смотри, скоро его на романтику пробьет... — Любава потянулась за сигаретой. — Он должен мелодрамы полюбить. Или там кошечек. Или творчество певицы Алсу. Ничего подобного не замечала?

Замечала. И у меня похолодело в груди. Месяц назад Юра ни с того ни с сего пристрастился к караоке. Я вернулась домой чуть раньше, тихонько открыла дверь — и замерла от неожиданности на пороге. Юра стоял посреди гостиной в трусах и носках и орал в микрофон: «Ты-ы-ы-ы! Теперь я знаю — ты на свете есть...»

Я не убеждена, что увлечение караоке так уж романтично. Но Любава заронила семена сомнения, и я вдруг взглянула на ситуацию с другой стороны. Тем более что у мужа неожиданно прорезался голос. Нет, не певческий талант, конечно, хотя супруг частенько теперь пел караоке.

А ещё начались придирки. И в минуты злости голос у Юры был даже противнее, чем при исполнении сладеньких шлягеров. Все, что бы я ни сделала, ему категорически перестало нравиться.

Он нудил, брюзжал, ворчал и доводил меня до того, что я в ответ тоже начинала говорить ему гадости.

Тогда Юра с заметно посветлевшим лицом исчезал из дома, бросив на ходу: «Я в командировку на пару-тройку дней, а у тебя будет время подумать, в чем ты не права». Но вскоре возникал снова — с рассеянным взглядом и букетом цветов: «Прости меня, Оленька, прости!» Муж смущенно улыбался, целовал меня в щеку и, тут же схватившись за телефон, закрывался с ним в кабинете.

Раньше я не обращала внимания на эти выкрутасы. И нашла бы им объяснение: Юра просто не желает загружать меня своими проблемами. Но слова Любавы сделали свое дело, и я принялась анализировать. За что я должна его прощать? Что за тайная вина терзала моего любимого? И терзала ли?

А потом он как-то проговорился. Спросил:

— У тебя есть хорошие конфеты? А то бухгалтерия прибирает к рукам все сладости, и мне приходится постоянно их изымать для других.

— Твой секретарь не в силах дойти до магазина? — удивилась я. — Не хватало, чтобы ты из дома конфеты в кулечке таскал. Пошли ее, пусть купит. А потом положи их в сейф, подальше от бухгалтерии, если они такие настырные.

Юра промышчал что-то невразумительное, а я вдруг поняла: раз он так обеспокоен неравномерным распределением сладостей в офисе, значит, он к кому-то неровно дышит. К кому? К своему заму Равилю Фаридовичу? К уборщице тете Маше? Или к секретарше Лизоньке? Как говорится, догадайтесь с трех раз...

Я догадалась быстро. Тем более что, принимая Лизоньку на работу, Юра кочетом заливался, расхваливая ее незаурядные способности. И умна, дескать, необыкновенно, и старательна, все понимает с полуслова, а уж как корректна и скромна по сравнению с прежними его секретаршами...

Я тогда поинтересовалась, как выглядит Лизонька, но муж лишь пожал плечами:

— Для меня главное — деловые качества. А внешность... Достаточно того, что она никого не пугает...

Тогда мы еще обсуждали наши проблемы и сообща их решали. Но очень скоро все прекратилось. Мой милый нашел другие уши... Правда, пребывая в любовной эйфории, головы проблемами люди не морочат, вернее, все заботы сваливаются в другую плоскость.

Озарение далось мне нелегко. Дня три я ходила как пришибленная, все валялось из рук, а на работе слова сотрудников воспринимала не сразу, смотрела на них пустыми глазами и, не дослушав, молча уходила. Отношений с мужем я не выясняла по очень простой причине: он снова умчался в командировку. На сей раз в Сочи — проводить совещания с сотрудниками филиала и дополнительных офисов. И наверняка взял с собой Лизоньку. Как же без нее, такой внимательной и умненькой, и наверняка сногшибательно хорошенькой? Хотя в этом возрасте достаточно быть просто хорошенькой.

Я уже ни в чем не сомневалась. На пятом десятке мужики мало обращают внимания на дамские мозги и творческие задатки. Женщина средней внешности и возраста может сколько угодно мечтать о любви, говорить умности и петь ангельским голосом — внимание на нее вряд ли кто-то обратит. Все затмевают точеная фигурка, упругая попа и высокая грудь соперницы.

Кажется, Жванецкий заметил: женщины после тридцати становятся невидимыми — их словно нет. И все лучшие качества точно приписывают

не им, а таким вот Лизонькам, будь у них даже куриные мозги и пэтэушное образование.

Я всегда, без тени сомнения, раздавала житейские советы, устные — Любаве, а печатные — читательницам журнала, но, став жертвой мужского коварства, растерялась. Я даже Любаве не осмелилась позвонить. Просто не представляла себя в роли плакальщицы. Считала унижительным пользоваться слезами как оружием. И стопроцентно была уверена: излей я свои обиды подруге, та едва ли посоветует что-то путное, способное вывести меня из коллапса. Да и есть ли панацея против измены?

ГЛАВА 2

Я со страхом ждала возвращения мужа. Ведь пора было расставлять точки над «і», а я не знала, смогу ли выдержать и не сойти с ума. В недавних семейных ссорах я всегда выходила победителем и даже гордилась своим хорошо подвешенным языком. Юра предпочитал сбежать в кабинет или уткнуться в журнал... Но сейчас мне хотелось выть в голос, биться головой о стену, а вот слова, которые обязаны были сразить мужа наповал, если и всплывали в памяти, то казались бледными, неуверительными, затертыми до сального блеска...

Юра появился через неделю. Загоревший, похудевший, веселый. Он позвонил в дверь и прямо с порога произнес три самые избитые и пошлые фразы, которые, несмотря ни на что, прогремели для меня, как гром среди ясного неба:

— Оля, я полюбил другую. Прости, но я ухожу. За вещами заеду позже.

Я застыла с открытым ртом. А потом с трудом выдавила из себя уже в спину коварному изменщику:

— Кто она?

— Лизонька, — оглянувшись, расплылся в улыбке муж. Глаза у него были ясными, как у птицы Феникс. — Я рассказывал тебе!

Забыв о лифте, он легко побежал по ступенькам вниз. Почти полетел на отросших от счастья крыльях. Понес навстречу новой любви свое стокилограммовое тело в белых штанах.

— Она ж тебе в дочки годится! — прокричала я вслед.

В ответ получила набор невнятных звуков. И не поняла, то ли Юра ответ пробубнил, то ли эхо позабавилось. Равнодушное эхо, которому абсолютно наплевать, что чья-то супружеская жизнь резко пошла под откос.

У меня тряслись руки и болело под ложечкой. Я вернулась в квартиру, умылась, высморкалась, легла в постель и стала размышлять, как это — быть счастливой на пепелище своего брака? Как это — быть счастливой, когда тебя, говоря пафосно, предали? Как это — быть счастливой, когда нет сил даже зареветь? Закричать, как на похоронах, свалиться у двери и вопить, постукивая лбом по новенькому паркету: «На кого ж ты меня покинул?..»

Когда дело идет к пятидесяти, для брошенной жены остается только два выхода: сумасшедший дом или дюжина кошек. Не худший вариант — пара крохотных собачек. Кошек я любила, собачками тоже не брезговала, правда, пока на расстоянии. Даже против сумасшедшего дома ничего не имела против — по крайней мере, его пациенты не озабочены настоящим.

Но до пятидесяти надо было как-то протянуть еще пятнадцать лет, а мне казалось, что не протяну и четверти часа. Пролежу вот так, глядя в потолок совсем недолго, час или два, а затем моя душа расстанется с телом. И никто, слышите, никто не огорчится, не пожалеет, разве что Любава прольет слезы на одинокой могилке. В итоге жалкий холмик зарастет бурьяном, и только на склоне лет Юра вдруг отыщет его, прошепчет, упав перед ним на колени: «Прости, дорогая! Я всю жизнь любил только тебя, единственную и неповторимую!» Лучше бы, конечно, если б он приехал на кладбище на инвалидной коляске в сопровождении медсестры из дома престарелых...

Я представила эту картинку, и на душе стало легче. Ведь, если Юра не одумается, в развитии событий можно не сомневаться. И желательно, чтобы они развивались на моих глазах, тогда я могла бы усмехнуться в ответ на его жалобы и спросить: «А ты предполагал, что Лизонька будет вечно поддерживать твои дряхлые телеса?» Затем я гордо удалилась бы, все еще красивая и уверенная в себе, под руку... С кем?

Дальше фантазия отказывалась работать, и я посмотрела на часы. Четверть часа пролетело как одно мгновение. Пора собираться на работу! И вместе с тем начинать потихоньку избавляться — избавляться от боли на вдохе и от боли на выдохе. От запаха его одеколona на подушке и от засохшего букета роз в вазе. От улыбки, которая так ему нравилась, и от его слов: «Я больше не люблю тебя».

«Держись!» — приказал разум. «Не за что!» — простучало сердце.

И тут меня снова повело не в ту сторону. Избавиться от прошлого можно было только одним способом: исчезнуть вместе со всем этим барах-

лом, со всеми этими воспоминаниями, которые уже не вытравить. Исчезнуть. Просто не быть. Повеситься. Или, например, застрелиться.

Я осмотрела люстры в квартире, затем оленьи рога в прихожей и пришла к выводу, что они меня не выдержат. Застрелиться тоже не было никакой возможности — не из чего, разве что из рогатки. Да и некрасиво это — валяться на полу вперемешку с собственными мозгами. Вот вскрыть вены — более эстетично. Набрать в ванну воды, зажечь свечи, включить красивую музыку и полоснуть бритвой по запястьям... Картина представлялась восхитительной — оставленная жена, вся такая бледная, в кровавой ванне. Плюс музыка и отражение язычков пламени в зеркалах....

Спасло меня отсутствие в тот момент горячей воды. Можно было, конечно, нагреть воду в чайнике и кастрюлях. Но я представила себя потной, снующей по квартире с кастрюлями для того, чтобы скорее умереть, и мне стало смешно.

— Дура ты, Оля, полная дура! Ни один мужик не стоит того, чтобы из-за него прощаться с жизнью! — с вызовом произнесла я и шумно высморкалась в полотенце. — И пусть он сказал, что больше не любит, полюса Земли от этого ведь не поменялись, планеты не сошли с орбит, а кометы и прочая космическая дрянь непременно пролетят мимо.

Я выбросила полотенце в корзину для грязного белья и подошла к телефону, который трезвонил, не переставая, уже с полчаса. Наверняка звонили с работы.

— Ольга Михайловна! — услышала я голос главного редактора. — Мне подкинули интересную идею... Не могли бы вы подскочить пораньше?

— Не могу, — произнесла я через силу. —

У меня голова раскалывается. Что будет, если ваша идея отлежится с денек?

— Ничего, ничего страшного, — ответила главред с несвойственной ей суетливостью. — Отдохните, подлечитесь, а завтра, если вы не против, все обговорим. Главное, измерьте давление...

— Спасибо, я измеряю.

Простившись с начальницей, я положила трубку. Оглядевшись по сторонам, поняла, что мне совсем не хочется заниматься уборкой. И завтракать не хочется. И вообще хочется снова броситься на кровать и уткнуться носом в подушку. Это было первым признаком депрессии, которую я никак не могла себе позволить. Тогда я принялась бродить по огромной квартире, бесцельно, из комнаты в комнату. Но везде натыкалась на Юрины вещи. Тренажер в спальне, очки на недочитанной книге в кабинете, галстук, небрежно брошенный на спинку дивана в гостиной, старенькие тапочки в прихожей, трубка со сломанным мундштуком на каминной полке... Все, буквально все в доме напоминало мне о муже.

Я подошла к большому окну. При строительстве квартиры именно я заказала панорамное остекление. И после на пару с Юрой частенько любовалась закатами над Москвой-рекой и видами столицы чуть ли не с высоты птичьего полета.

Некоторое время я бездумно созерцала зависшую над городом серую дымку. Начало апреля, но весна не торопилась — то дождь, то просто сырость невозможная. Почки на деревьях набухли, но раскрываться не спешили, как будто ждали новых холодов.

— Мерзость! Мерзость какая! — простонала я и уткнулась лбом в стекло. Понятное дело, слова относились не к погоде, а к поступку мужа.

Почему я упустила момент «открыть ему глаза»? Почему не вправила мозги, как советовала Любава? Почему не спросила: «Где была твоя Лизонька, когда ты разорился в дефолт? Когда ты чуть не продал дачу, чтобы элементарно выжить?» Почему не усмехнулась: «Милый, ты уверен, что эта девочка в восторге от твоей одышки в постели?» Он же был умным, мой Юра. Очень разборчивым в людях. Сухарем и педантом! Но что вообще можно спросить у мужчины, который готов бросить все, разрушить свой кров и хлопнуть дверью по руке жены, вцепившейся в косяк? Бросить ради того только, чтобы день и ночь слышать юный голосок: «О, ты мой идеал! Мой мачо и мой ковбой!»...

Тренькнул телефон: пришла эсэмэска.

«Завтра я подам на развод, — прочитала я торопливые, с пропущенными буквами слова. — Будь готова!» И все, даже по имени не назвал, не говоря уж о «милая» или «дорогая», как бывало раньше.

«Что ж он так торопится?» Первым желанием было перезвонить, наговорить ему кучу гадостей. Но я сдержалась и, стиснув зубы, ответила: «Всегда готова!»

А затем позвонила Любаве. Та поняла с полуслова.

— Еду! — коротко бросила в трубку подруга и отключила телефон.

* * *

Через час Любава сидела напротив меня за кухонным столом. Как всегда, она выглядела потрясающе. В узких, обтягивающих длинные ноги, черных кожаных брючках и в такой же куртке, усыпанной значками с говорящими надписями

типа: «Мужики, я свободна!» и «Я — сука и горжусь этим!». Закинув ногу на ногу, она курила и пыталась внушить мне, почему одинокая женщина должна быть не просто стервой, а сукой, чтобы не потерять себя в недружелюбном мире.

— Пойми, — вещала Любава, — сейчас не модно быть интеллигентной. Все хотят секса, и только секса, а интеллигентность для женщины — синоним непривлекательности. Надо быть раскованной, забыть о комплексах, и мужики будут виться вокруг тебя, как мухи.

— Не нужны мне мухи, — вяло упиралась я. — Терпеть не могу этих... как их... пикаперов! Липнут, чтобы переспать с тобой, а потом навеки исчезнуть.

— А чем пикаперы плохи? Ты ж не пробовала, — усмехалась Любава. — Проще надо быть! Зачем тебе какие-то обязательства?

— О чем ты говоришь? Посоветуй еще на панель выйти!

— Вот дура! — От негодования Любава сломала сигарету. — Нет, у меня просто в голове не укладывается! Старый, толстый козел, почти лысый, и такое сотворить с красивой и умной женщиной... Ни капельки не сомневаюсь: покажи этой девице эскимо на палочке — обрадуется. Потому как слаще репы ничего не пробовала. Через пару месяцев он это поймет и запросится обратно!

— Не запросится, — не сдавалась я. — Он знает, что я его не прощу.

— И не прощай! Заставляют тебя, что ли? Я говорю: не впадай в истерику. Поехали по магазинам! Купи кучу нарядов, сделай новую стрижку. И от мужиков отбоя не будет, я тебя уверяю.

— Какие мужики? — рассердилась я. — Я еще с мужем не развелась!